

дцать пять служил он в сем звании верой и правдою; как почталион Погорельского¹. Пожар двенадцатого года, уничтожив первопрестольную столицу, истребил и его желтую будку. Но тотчас, по изгнании врага, на ее месте явилась новая, серенькая с белыми колонками дорического ордена², и Юрко стал опять расхаживать около нее *с секирой и в броне сермяжной*³. Он был знаком большей части немцев, живущих около Никитских ворот: иным из них случалось даже ночевать у Юрки с воскресенья на понедельник. Адриан тотчас познакомился с ним, как с человеком, в котором рано или поздно может случиться иметь нужду, и как гости пошли за стол, то они сели вместе. Господин и госпожа Шульц и дочка их, семнадцатилетняя Лотхен, обеда с гостями все вместе, угощали и помогали кухарке служить. Пиво лилось. Юрко ел за четверых; Адриан ему не уступал; дочери его чинились; разговор на немецком языке час от часу делался шумнее. Вдруг хозяин потребовал внимания и, откупоривая засмоленную бутылку, громко произнес по-русски: „За здоровье моей доброй Луизы!“ Полушампанское запенилось. Хозяин нежно поцаловал свежее лицо сорокалетней своей подруги, и гости шумно выпили здоровье доброй Луизы. „За здоровье

¹ Почталион Погорельского — заслуженный почтальон в повести Антония Погорельского „Лафертовская маковница“.

² Колонки дорического ордена — колонны древнегреческого архитектурного стиля, с головками (капителями) без всяких украшений.

³ С секирой и в броне сермяжной — стих баснописца А. Измайлова; будочники того времени были вооружены алебардами — средневековым оружием, пикой с топориком. Мирный будочник с тупою алебардою и в шинели из грубого сукна вместо брони мало напоминал грозного средневекового воина.